

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ЗЕРКАЛЕ ДИСКУССИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2018

Гаврилов Артем Вячеславович, директор
ООО «АгроБизнесТехнологии» (г. Омск, Российская Федерация)

Аннотация. Отмена крепостного права в середине XIX в. поставила аграрный вопрос на первое место для мыслящей русской интеллигенции. Последствия Великих реформ для развития общины, крестьянское землевладение и землепользование, право собственности на землю, экономика аграрного сектора, экономическая самостоятельность населения, рост сельскохозяйственного производства, управление и самоуправление крестьянских обществ, адаптация крестьянского хозяйства к меняющимся условиям рынка, социокультурные изменения, вызванные процессами модернизации, социально-экономические противоречия как между отдельными категориями крестьянства, так и между крестьянами и представителями других социальных групп – все эти вопросы активно обсуждались русской общественностью на рубеже XIX–XX вв. «Конкретно-социологические» составляющие аграрного вопроса преобразовались в анализ роли и значения крестьянской общины для развития страны, а эта тема, безусловно, носила политический характер, и полемика вокруг нее была чрезвычайно насыщенной. Об аграрном вопросе и путях его решения писали экономисты, историки, юристы, врачи, предприниматели, путешественники, земские деятели, публицисты, чиновники, политики, революционеры, представители всех социальных слоев российского общества.

Ключевые слова: История России второй половины XIX – начала XX в.; крестьянская община; историография; аграрные реформы; аграрная политика; модернизация сельского хозяйства; крестьянское землевладение и землепользование; сельскохозяйственная статистика.

История России второй половины XIX – начала XX веков представляет собой важную и особенную эпоху развития нашей страны. Можно сказать, что крестьянское в основе своей общество столкнулось тогда с вызовом «глобализации». Две крайние точки эпохи – отмена крепостного права и революция 1917 г. – указывают на актуальность ее содержания. Изучение этого этапа истории нашей страны всегда будет открывать новые грани познания прошлого.

Аграрный вопрос являлся ключевым, пронизывая всю эпоху, насыщая ее политическими спорами и борьбой идеологий, успехами в экономическом развитии и голодом 1891 г., реформами и революциями.

Неудивительно, что аграрный вопрос в России приобрел избыточную политизированность еще в XIX в. и не утратил ее до сих пор. Иногда он пересекался и с другим сквозным вопросом русской общественной мысли – отношением к Западу. На стыке этих двух вопросов получалась такая гремучая смесь, что нерешенность аграрного вопроса и коренные различия России и Запада многими русскими интеллектуалами воспринималось коренными причинами революции 1917 года. Аграрный вопрос объединил дискурс элиты, интеллигенции, европеизированной части России относительно ее *традиции*, которая воспринималась в образе мужика-пахаря.

Период 1881–1905 гг. являлся буферным между двумя ключевыми эпохами истории страны: Великими реформами 60–70-х гг. XIX в. и бурными событиями начала XX в., когда за 13 лет страна участвовала в двух войнах, в ней произошли две революции. Хотя история и не знает сослагательного наклонения, но это было время, когда, возможно, еще был шанс направить развитие России по мирному руслу, попытаться решить вопросы, которые в XX в. решало уже *время*.

Крайними точками периода стали события 1881 г. – когда произошла отмена временнообязанного состояния крестьян и провозглашен переход на обязательный выкуп. Примерно в это время Россию затронул

мировой аграрный кризис, вызвавший падение цен на сельскохозяйственную продукцию. Наконец, это год убийства Александра II и вступления на престол Александра III, давшего толчок так называемым «контрреформам». Другая крайняя точка – это революция 1905 г., когда крестьяне наглядно показали, как они собираются решать аграрный вопрос. В анализе историографии мы сосредоточимся именно на этой эпохе, дистанцируясь и от времени освобождения крестьян, и от столыпинской реформы, насколько это возможно. Сделать это будет непросто, поскольку вторая половина XIX – начала XX в. делится на периоды только благодаря дискурсу исследователя, представляя на самом деле цельный период истории страны. Однако мы будем исходить из того, что ключевые моменты, эволюционируя из дореформенного времени, складываясь в 60–70-е гг. XIX в., преимущественно оформились в конце XIX – начале XX в.

Аграрный вопрос включал в себя следующие компоненты:

- землевладение и землепользование, право собственности на землю;
- экономика аграрного сектора, экономическая самостоятельность населения, рост сельскохозяйственного производства;
- управление и самоуправление крестьянских обществ;
- адаптация крестьянского хозяйства к меняющимся условиям рынка;
- социокультурные изменения, вызванные процессами модернизации;
- социально-экономические противоречия как между отдельными категориями крестьянства, так и между крестьянами и представителями других социальных групп.

Однако эти «конкретно-социологические» составляющие аграрного вопроса преобразовались в анализ роли и значения крестьянской общины для развития страны, а эта тема, безусловно, носила политический характер, и полемика вокруг нее была

чрезвычайно насыщенной. Только до 1917 г. было издано около 3000 книг и статей [1]. Об аграрном вопросе и путях его решения писали экономисты, историки, юристы, врачи, предприниматели, путешественники, земские деятели, публицисты, чиновники, политики, революционеры, представители всех социальных слоев российского общества. Среди такой палитры мнений мы выделим наиболее острые и актуальные дискуссионные вопросы. Это позволит выделить проблематику, волновавшую не только русскую общественность, но и, несомненно, правительственные круги.

В.И. Орлов в исследовании, проведенном по поручению Московской губернской земской управы, на основании статистических данных по губернии указывал на ключевое значение земледелия для благосостояния крестьянства, а также на его упадок. Он подробно разобрал формы организации общин и принципы общих и частных переделов земли. Анализ переделов земли приводил его к выводу, что 80% общин делили землю за период с 1858 по 1878 г. не более двух раз [2], а средний промежуток времени между переделами составляет 12 лет. В.И. Орлов отмечал несоответствие доходности крестьянских наделов и величины платежей крестьян в целом и считал, что чем выше последние, тем чаще частота переделов. Опросы крестьян приводили его к выводу, что крестьяне высказывались за общинную форму землевладения там, где успешное коллективное ведение сельского хозяйства гарантировало определенный доход. В тех общинах, где хозяйство находилось в упадке, крестьяне были заняты отхожими промыслами и достаточно часто повторялись общие переделы, наиболее состоятельные члены общины выступали за сокращение переделов и отмену круговой поруки (но не за уничтожение чересполосицы) [2]. В.И. Орлов сомневался в необходимости замены общинного землевладения какой-либо иной формой, считая, что крестьянское хозяйство может вестись вполне удовлетворительно и при условии мирского владения землей.

Саратовский статистик В.Г. Трирогов высоко оценивал возможности крестьянского самоуправления и порядки, установившиеся в сельских обществах, например круговую поруку. «Перед нами целое хозяйство, целый союз домохозяйственный, который прочнее обеспечит его нужды и с большим разумом и с большей справедливостью распределит между своими членами, находящимися в ежедневном общении, все тяготы трудовой жизни и связанные с ней обязанности по государству, провинции и обществу, ради охранения общей безопасности и в интересах развития общего благосостояния» [3]. В.Г. Трирогов не замечал в крестьянстве никакого стремления к передаче земли в подворное владение и считал, что экономическая сила общины состоит в глубоко справедливом распределении участков земли между домохозяевами.

Факт перехода помещичьих земель в руки других сословий, и прежде всего крестьянства, отмечал князь А.И. Васильчиков. Он указывал, что уровень платежей крестьян практически равен доходности принадлежащей им земли. Истощение почвы, истребление лесов, высыхание лугов и пастбищ, то есть хищнические системы хозяйствования, в отли-

чие от малоземелья, являются настоящими причинами кризиса сельского хозяйства. Частые переделы земель в общинах, аренда и субаренда земли, особенно на короткие сроки, ведут к снижению агрономической культуры и пагубно сказываются на земледелии. Но в то же время повышение цен на землю и размера оплаты труда сельскохозяйственных рабочих он считал признаками роста сельского хозяйства, которое в России стоит на пороге перехода от экстенсивного к интенсивному способу производства. Уменьшение податного бремени, охрана лесов и облегчение переселение крестьян должны, по мысли А.И. Васильчикова, стабилизировать сельскохозяйственное производство, обеспечить рост благосостояния крестьян [4].

Сравнивая общинную и подворную формы землевладения, А.А. Карелин указывал, что те факторы, за которые критикуется община, также присутствуют и при подворном землевладении и не могут считаться аргументами в его пользу. А.А. Карелин не находил отрицательных сторон в переделах земли, принудительном севообороте и чересполосице, указывая, что раздробленность владения может служить своего рода страховкой в случае, например, неблагоприятных климатических условий. Чересполосица возможна и при частном владении, однако, если общинники могут ее уменьшить путем переделов, общественники лишены такой возможности [5]. Общинное владение является гарантией от хищнического пользования землей. «Мир не позволит своему члену обращаться с землей так, как обращается с нею кулак-арендатор; ему не позволят выжать из земли последние соки посевом льна, табака, свеклы и т.п. растений» [5]. Общину разрушают высокая податная нагрузка, малоземелье и законодательство. Карелин отмечал роль «миродов» в разрушении общины. Социальное расслоение ведет к концентрации земли и власти у небольшой группы зажиточных крестьян. «Бедность крестьян создает власть миродов», считал Карелин, – таким образом, развитие отношений, которые можно назвать капиталистическими, имеет для него отрицательное значение. Будущее общины он видел в ее реорганизации в общинно-артельную форму землевладения и землепользования [5].

Таким же вопросом – о будущем общины – задавался другой известный русский ученый и общественный деятель – К.Р. Качоровский. На основе большого объема исторических, этнографических, статистических данных он пытался определить направления эволюции общины, рассматривая данные не только собственно Европейской России, но и ее окраинных местностей, там, где существовали общины. Общинное владение землей он считал подвижным и пропорционально-уравнительным, когда коллективное право распоряжения землей составляет основную функцию владения. [6]. Качоровский предлагал значительное количество классификаций, относящихся к эволюции общины; приведем некоторые из них. Например, он выделял два класса общин: там, где преобладает личное начало, и где преобладает общинное начало. Развитие общины проходит три фазы – слагающаяся, действующая, разлагающаяся; в России в востока на запад представлены все эти этапы: на востоке она еще слагается, в центре – действует, а на западе – уже в прошлом. Этому соот-

ветствует три этапа крестьянского землевладения – многоземельно-дообщинный, среднеземельный-общинный и малоземельный-послеобщинный. По мнению Качоровского, община является необходимым этапом развития, сокращение крестьянского землевладения, малоземелье и интенсификация земледелия свидетельствовали о признаках отмирания общинного начала [6].

Земский деятель и публицист Н.А. Карышев установил зависимость прочности общинных порядков от величины надела и от количества лежащих на них платежей, указывая, что при общинном землепользовании платежи и повинности играют важнейшую роль. Он считал, что община не ставила непреодолимых препятствий на пути сельскохозяйственного прогресса. «При прочих приблизительно равных условиях благосостояние частных мелких собственников бывает ниже, и хозяйство их имеет меньше данных для поступательного движения, чем хозяйство общинников» [7].

Экономист, ректор МГУ А.А. Мануйлов считал общепризнанным факт кризисного состояния сельского хозяйства, но указывал, что разные авторы называют различные причины этого явления. Противники общины приводят следующие аргументы: чересполосица и принудительный севооборот, отсутствие технического прогресса. Вместе с тем А.А. Мануйлов отмечал, что эти проблемы напрямую не связаны с общинным землевладением, встречаясь и при подворно-участковом землевладении. Он не видел серьезных доводов в пользу ликвидации общины. «Безусловно возражая не только против стремления упразднить общину, но и против попыток подвести общинные порядки под один ранжир, измышленный в канцелярии, мы полагаем, что общине нужно предоставить свободно развиваться; но для того, чтобы это развитие шло правильным путем, необходимо, чтобы законодательство устранило условия, препятствующие осуществлению общинного начала» [8]. По его мнению, отрицательные стороны сельского хозяйства и, в частности, малоземелье, были заложены реформой 1861 г., причем ни аренда, ни покупка земли не могли восполнить ее недостаток [9].

Земский деятель и публицист Л.С. Личков оставил небольшое, но очень интересное исследование, посвященное семейным разделам в Саратовской губернии. Он констатировал факт увеличения семейных разделов, причем и у государственных, и у бывших помещичьих крестьян, оценивая увеличение количества семей в 30–35% в 1860–1880-е гг. [10]. Личков рассматривал различные варианты разделов у разных категорий крестьян, но в динамике получалось, что это явление охватывает все крестьянские семьи, вне зависимости от достатка и формы заработка. «Имущественный достаток делившихся, вследствие раздела, сначала уменьшается, но затем громадное большинство их в течение нескольких лет оправляется и, что называется, становится на ноги. По всей вероятности, приходят в полный упадок только семьи и без того уже бывшие маломощными» [10].

П.С. Петлин, оценивая различные губернии в связи с деятельностью в них Государственного банка, характеризовал Самарскую губернию как сильно нуждающуюся в постановке сельскохозяйственного кредита. «Хлебопашество в Самарской губернии имеет характер промышленного предприятия, тре-

бующего оборотного капитала для затрат вперед за аренду земли, на наем рабочих, – затрат, возвращаемых только по снятии и продаже хлеба. Настоятельность в кредите заставляет крестьян-посевщиков прибегать к частному кредиту в разных видах: деньгами, зерном, под работы под будущий урожай, на самых тяжелых условиях, доходящих даже выше 100% на занятую сумму, чему, по сведениям компетентных лиц, примеров в волостных книгах сделок и договоров Самарской губернии масса» [11]. П.С. Петлин выделил четыре формы кредита в Самарской губернии: заем деньгами с обязательством возвратить деньги, заем деньгами под работу, заем под хлеб будущего урожая и заем собственно хлебом. Кредит обеспечивался круговой порукой, частным поручительством, залогом имущества, неустойкой, фиктивной продажей. Автор считал, что потребность в кредите в губернии настолько велика, что крестьяне часто идут на самые невыгодные для себя условия, лишь бы только достать денег. «Отдельными лицами продается имущество, иногда чуть не последний скот, обществами отдается в аренду чуть не за бесценок земля, которую самим же крестьянам приходится после арендовать у того же лица за высокую цену. Бывали случаи, что сельские общества сдавали своему кредитору участки земли на несколько лет по 50 к. за десятину, причем отдельные крестьяне того же общества снимали у него отдельные участки той же земли по 10 р. за дес. и т.д.» [11].

Необходимо сказать, что большой вклад в изучение общины внесла «народническая историография», а также авторы, связанные с народниками. Их произведения оказали большое влияние на русскую общественную мысль, в частности, привели к появлению работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», в которой лидер большевиков полемизировал с народниками.

Близкий по своим взглядам либеральным народникам А.С. Посников был сторонником общинного землевладения. Он отрицал мнение, что только частная собственность на землю способна обеспечить эффективность и прогресс сельского хозяйства, считая, что те отрицательные стороны, которые приписываются общине, например чересполосица или принудительный севооборот, существуют и при частном землевладении [12]. Общинное землевладение никак не препятствует прогрессу в сельском хозяйстве, критикуемые многими авторами переделы земли, по мнению Посникова, является разумной и рациональной мерой, направленной в том числе на устранение отрицательных сторон чересполосицы. Кроме того, переделы земли осуществляются без привлечения органов власти, самой общиной, что позволяет экономить государственные средства. Господство частной собственности требовало бы вмешательства закона, для проведения, например, ирригационных работ, поскольку отказ собственника участвовать в них автоматически блокировал бы всю работу [13].

В сборнике статей, посвященных влиянию урожая на хлебные цены, А.Н. Посников совместно с А.И. Чупровым отмечали примерное равенство губерний Европейской России, вывозящих и ввозящих хлеб (24 против 22 из 46, где имелись железные дороги) [14]. На основании данных железнодорожных перевозок они делали вывод, что на рынок попадает от 1/4 до 1/3 урожая, остальная часть потребляется

на месте производства, что говорит о преобладании натурального хозяйства в стране. Опираясь на данные Центрального статистического комитета, авторы, отталкиваясь от нормы 19 пудов зерна на душу в год, указывали, что крестьянского наделного землевладения для удовлетворения нужд населения хватает только в 10 губерниях Европейской России из 50. Поэтому необходимым источником прокормления является аренда земли, но и ее хватает, чтобы обеспечить продовольствием 22 губернии. И только в 6 губерниях из 50 у крестьян есть действительные излишки для продажи зерна на рынке. Сравнение официальной и земской статистики привело авторов к выводу, что только небольшая масса крестьян производит зерно на продажу, основная масса крестьянских хозяйств является натуральным и преследует цели собственного потребления. «В современных условиях сельскохозяйственной деятельности у большинства крестьян не только не может быть и речи о каких-либо избытках, идущих на продажу, а напротив, масса крестьян постоянно считается с продовольственными затруднениями и изыскивает разные способы пополнять недостатки» [14]. Денежные доходы крестьянских хозяйств складываются из занятий промыслами, скотоводства и огородничества. «Среднее крестьянское хозяйство составляется как бы из двух частей: одна натурально-земледельческая – производство и потребление хлеба – стоит очень далеко от рынка и цен; другая же, промысловая, погашающая платежные и вообще денежные нужды хозяйства, непосредственно связана с рынком, но по преимуществу не хлебным. Только хозяйства, уклоняющиеся от среднего типа, завязывают отношения с хлебным рынком» [14].

Экономист и статистик В.С. Пругавин, близкий народникам, полагал, что разрушение общины привело бы к неисчислимым бедствиям для страны, а прогресс в сельском хозяйстве возможен только на основе общинно-земельных порядков. В пореформенное время, несмотря на неблагоприятные условия, община не только устояла, но и выработала множество новых форм для удовлетворения земельных интересов крестьянства. Коренные переделы характеризуют гармонию интересов между отдельными домохозяевами, силу и устойчивость общины [15]. Уменьшение количества переделов в 60–70-е гг., по его мнению, не свидетельствовало о кризисе общины, поскольку объяснялось внешними причинами, не зависящими от крестьян. Он считал, что преобладающее мнение о неизбежном разрушении общины не соответствовало реальному положению вещей. Для придания общине устойчивости он предлагал следующие меры: расширение площади крестьянского землевладения и устранение малоземелья путем национализации и выкупа земли, а также содействие переселениям, уменьшению податей и платы за аренду земли, признание за общиной прав юридического лица и развитие крестьянского самоуправления.

В.П. Воронцов (В.В.) писал о распространении капиталистических отношений в сфере сельского хозяйства во второй половине XIX в. Он отмечал, что в отличие от Европы, капиталистическое развитие в России привело к обнищанию населения, поскольку падение значение промыслов из-за роста фабричной промышленности не оставило крестьянину возмож-

ности заработать в зимние месяцы. Для России нужен особый путь развития, поскольку нищее крестьянство не выдержит конкуренции с экономическими «гигантами» – Францией, Англией, Германией. Сохранение невысокой производительности земледелия вместе с исчезновением кустарной промышленности ведет к обеднению земледельческого населения и сокращения объема применения «рабочих сил страны» [16].

А.Ю. Финн-Енотаевский, рассматривая эволюцию сельского хозяйства в конце XIX в. связывал кризисное состояние крестьянского хозяйства с условиями реформы 1861 г. Увеличение населения, рост цен на аренду земли, семейные разделы, налоговая, финансовая и экономическая политика государства привели к обнищанию крестьянства. Технический прогресс и рост сельскохозяйственного производства в таких условиях был бы невозможен. «Община, которая должна была, по уверению ее защитников, предохранить нас от пролетариата, в действительности лишь содействовала уравниению бедности. В тех условиях, в которых она находилась, и с теми средневековыми и крепостническими наростами, с какими мы ее получили в наследство, она могла лишь содействовать одному – развитию пауперизма в деревне» [17].

Полемизируя с народниками, В.И. Ленин, указывая на признаки развития капитализма в сельском хозяйстве, пришёл к следующим выводам: русское крестьянское хозяйство существует в условиях товарного рынка, крестьянин зависит от рынка в потреблении и в хозяйстве. Содержание хозяйственной жизни крестьянина составляет конкуренция, борьба за хозяйственную самостоятельность, сосредоточение производства в руках меньшинства, вытеснение большинства в ряды пролетариата и его эксплуатация. Совокупность этих процессов ведет к раскрестьяниванию, то есть разложению крестьянства. Новые типы сельского населения – сельская буржуазия и пролетариат вытесняет «старое крестьянство». Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. Основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает все более и более торговый, предпринимательский характер. «Капитализм в громадной степени расширяет и обостряет среди земледельческого населения те противоречия, без которых вообще не может существовать этот способ производства. Но, несмотря на это, земледельческий капитализм в России, по своему историческому значению, является крупной прогрессивной силой. Во-первых, капитализм превратил земледельца из «государя-вотчинника», с одной стороны, и патриархального, зависимого крестьянина, с другой стороны, в такого же промышленника, как и всякий другой хозяин в современном обществе. Во-вторых, земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда. В-третьих, капитализм впервые создал в России крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих. В-четвертых, наконец, земледельческий капитализм в России впервые подорвал под корень отработки и личную зависимость земледельца» [18].

Многие авторы критически относились к общине и общинному хозяйству. Н.К. Бржеский указывал на коренные отличия дореформенной и пореформенной общины. Тяжелое положение общинного хозяйства в России он считал аксиомой, не требующей доказательств. Община, созданная реформой 1861 г., несет в себе элементы будущего разложения. Общие и частные переделы являются «непреодолимыми препятствиями» на пути прогресса сельского хозяйства. Возможность злоупотреблений со стороны сельского схода и необеспеченность прав общинников в силу этого, неспособность схода решить проблему недоимочности крестьянских хозяйств иначе, как за счет «слабосильных домохозяев», несовершенство крестьянского самоуправления вели к состоянию постоянного кризиса. Ссылаясь на земские подворные переписи, Н.К. Бржеский указывал на уменьшение количества рабочего скота у крестьян в 80-е гг. и как следствие – отсутствие удобрений на крестьянских полях [19]. Однако даже не это, а ожидание переделов заставляет крестьян отказываться от удобрений своей земли, делая это занятие бессмысленным. Автор отмечал процессы социальной дифференциации внутри пореформенной общины. Данные министерства финансов свидетельствовали о концентрации значительного количества надельной земли у кулаков. Ограничение операций с надельной землей представителей других сословий только облегчил такие операции представителям зажиточного крестьянства, закрепив их монопольное положение. Сравнение общинного и подворного землеустройства привело Н.К. Бржеского к выводу «о том, что строй общинного землевладения и общинного быта не соответствует интересам сельскохозяйственного промысла» [19].

И.Л. Пестржецкий также фиксировал определенные негативные экономические и социальные аспекты жизни деревни. Он резко критиковал такую форму землевладения, как «общность смен», когда крестьянин является хозяином земли лишь на несколько месяцев году, в остальное время его право ограничено правом мира использования участков для выпаса скота. Это явление наблюдается как на землях общинников, так и на подворных участках и ведет к большим потерям урожая [20]. И.Л. Пестржецкий отмечал увеличение влияния женщин и молодежи в сельском самоуправлении, а также рост семейных разделов, оценивая эти процессы как разрушающие крестьянский быт и благосостояние, поскольку молодежь не желает работать в сельском хозяйстве. Большинство хозяев во главе с зажиточными крестьянами сдают свои земли в аренду, занимаются ремеслом или ростовщицеством, земледелием занимаются только бедняки. В таких условиях не приходится говорить об увеличении производительности сельского хозяйства.

Исходя из опыта работы мировым посредником, М.А. Скибинский весьма скептически относился к возможностям и практическим способностям представителей крестьянского самоуправления. «Крестьянские сельские общества, представляя собой инертную, крайне некультурную и малоподвижную в умственном отношении массу, решительно неспособны к самостоятельной общественной деятельности; в последней они, придерживаясь стадного начала, легко подчиняются влиянию отдельных лично-

стей, выделяющихся из общей среды только смелостью и решительностью в своих требованиях, и предоставляют им полную возможность бесконтрольно эксплуатировать общественные интересы» [21]. М.А. Скибинский критически относился к устоявшейся практике заведования общественными мирскими капиталами, считал, что зачастую они попадают в управление «влиятельных людей», которые, используя свое влияние на сельских сходах, бесконтрольно ими распоряжались, действуя по большей части в личных интересах. Он отмечал существование разных способов взыскания с крестьян сборов, повинностей и их учета, но объединяло эти способы одно – произвол сборщиков и беззащитное положение плательщиков [21].

Д.А. Столыпин, критикуя общинное землевладение, считал, что только частная собственность на землю может быть условием высоких урожаев и качественной обработки земли [22]. Община, по его мнению, не была способна ни к прогрессу, ни к обеспечению благополучия своих членов. «Что касается до общины, то казалось, защитники ее прельщаются, главное, воображаемым ими самоуправлением. Но община может держаться только при суровом правлении. Какая же может быть отрада в превращении населения во что-то вроде вечных военных поселений?» [23].

Профессор И.Х. Озеров, характеризуя финансовую политику России в конце XIX в., иронически оценивал построение промышленности на базе отсталого сельского хозяйства на занятые за рубежом деньги. При этом автор отмечал слабую обеспеченность хлебом на душу населения, отсталую сельскохозяйственную технику, низкую производительность труда, низкий уровень питания, уменьшение площади посевов и сбора хлебов. Увеличение недоимок свидетельствовало об уменьшении платежеспособности населения. «Сельская Россия идет на убыль и заставляет ее покрывать все более и более растущий бюджет чрезвычайно рискованно, да и то уже в настоящее время в наличности масса признаков, свидетельствующих об оскудении деревни» [24]. Интересно и то, что в начале XX в., характеризуя проблемы сельского хозяйства, автор писал о «нашествии» дешевой китайской рабочей силы, неприхотливой и готовой работать в любых условиях, угрожающей сохранить уровень жизни русских сельскохозяйственных рабочих на невысоком уровне.

Один из будущих идеологов черносотенного движения К.Ф. Головин, анализируя общину в 80-е гг., писал, что она, в отличие от крестьянского самоуправления, не является необходимым устоем русской жизни. В первую очередь, община выполняет фискально-административные функции, «мирская помощь» и хозяйственная опека не имеют большого распространения и значения в ее жизни. Он отмечал, что община не в состоянии проводить хозяйственные улучшения в целом, практически не заботится о пашне и об огородах, поскольку у «мира» отсутствуют необходимые средства, а сами крестьяне опасаются, что результат их работ достанется кому-то иному в случае передела земли. В жизни общины развивается имущественное неравенство, и она эволюционирует в сторону подворного землевладения, признаками чего является рост количество общин, где не действует круговая порука, отсутствуют об-

щие переделы, а земля переходит к новому владельцу путем соглашения между крестьянами [25]. Главную проблему в общем низком благосостоянии крестьянства К.Ф. Головин видел в непрочности земельного владения и, вследствие этого, отсутствии стимулов к хозяйственным усовершенствованиям, хищническом использовании земельных угодий. Он предлагал следующие меры: отмену круговой поруки, ограничение семейных разделов и установление предела дробления земельных участков. К.Ф. Головин приходил к выводу, что декларируемая привязанность русского крестьянина к общине не более чем миф. Он критиковал либеральную печать за то, что в ней проблема кризиса сельского хозяйства сводилась к малоземелью и тяжести податного обложения, а такой взгляд не исчерпывает всей сложности вопроса, поскольку, например, у государственных крестьян выше наделы и меньше обложение, в сравнении с бывшими помещичьими, однако их хозяйства практически не отличаются по уровню урожайности. Причиной кризисного состояния сельского хозяйства являлось общинное землевладение. Неустойчивость хозяйственного владения не позволяла проводить агрономические работы и удобрять поля, увеличение безлошадных дворов свидетельствовало о кризисе сельского хозяйства [25].

Анализируя различные проблемы правового статуса крестьян, Н.П. Дружинин считал, что крестьяне нуждаются в четкой регламентации своих прав и обязанностей, в более четком регулировании деятельности органов власти. Наряду с экономическими причинами, неудовлетворительное состояние сельского самоуправления он связывал с отсутствием правового регулирования и соответствующих учреждений. «Усовершенствование с внутренней и внешней стороны законодательства о крестьянах должно, без сомнения, стоять на первом плане среди желательных мер в настоящем направлении... чем более совершеннее будут законы, тем более будут обеспечены права сельского населения, равно как исполнение им своих обязанностей, меньше будет неправильных постановлений и распоряжений, меньше произвола и непонимания в исполнении законов, меньше нарушения правильных интересов, меньше поводов обращаться к высшей власти и – меньше необходимости для крестьян в посредниках, ходатаях и советниках» [26].

Русский юрист, специалист по крестьянскому праву А.А. Леонтьев отмечал, что правовая жизнь крестьян находится в неопределенном положении в силу отсутствия четкого правового регулирования. Он считал, что опора на обычное право в регулировании внутриобщинных отношений ошибочно, поскольку сами крестьяне не осознают своих правовых обычаев. Целью должно быть включение крестьянства в сферу регулирования писаного закона путем кодификации обычно-правовых норм. «Задача законодательства по отношению к общине – создать такие условия, при которых ясность и определенность взаимных прав и обязанностей общины, с одной стороны, и членов ее как в общине, так и между собой (как членов общины, конечно) – с другой – сочеталась бы с сохранением, по возможности, обычного способа пользования землей» [27].

Иностранные авторы в целом также критически относились к общине. Немецкий экономист и статисти-

стик К. Баллод считал, что «господствующая система привела русский народ чуть ли не к полному истощению, самодержавное чиновничество радело, чтобы побольше выжать жизненных соков из русского мужика» [28]. Отмечая низкий уровень агрокультуры, он считая, что введение многополья и травосеяния, использование минеральных удобрений удвоит урожай на черноземных землях. Именно здесь, помимо переселенческой политики, государство должно оказать помощь крестьянам.

Профессор Фрайбургского университета Г. Шульце-Геверниц отмечал несовпадение владения и хозяйства в России, в силу огромной роли краткосрочной аренды и количества арендованной земли. Невысокий уровень развития сельского хозяйства он также связывал с условиями освобождения от крепостного права. Натуральный строй крестьянского хозяйства, низкий уровень техники, выкупные платежи и характеризовали пореформенное развитие деревни. Вместе с тем расслоение сельского населения и упадок общинного землевладения Г. Шульце-Геверниц признавал за признаки прогресса в сельском хозяйстве [29].

Публицист и общественный деятель Ф. Бар, основываясь на личном опыте занятий сельским хозяйством в прибалтийских губерниях, не считал, что общинное землевладение является русским или славянским учреждением, и прогнозировал его исчезновение в будущем. Крестьянское малоземелье не являлось причиной бедственного положения сельского хозяйства. Его идеалом был свободный крестьянин-собственник на своей земле; общинные порядки и, в частности, чересполосицу Ф. Бар считал анахронизмом, характерным для отсталых обществ. Сравнивая земледелие в различных прибалтийских губерниях, Ф. Бар указывал, что плодосменный севооборот с травосеянием, уровень обработки земли дают более высокие результаты, нежели общинное чересполосное землевладение и трехпольный севооборот [30]. Устранение общины (второго крепостного права, как он ее называл) являлось для Ф. Бара необходимым условием социально-экономического развития страны.

Необходимо отметить работы государственных деятелей. Анализируя причины неурожая и «народного бедствия» 1891 г., управляющий министерством государственных имуществ А.С. Ермолов указывал, что они связаны не только с неблагоприятными климатическими условиями, но и с экономическим положением населения, которое оказалось не в состоянии справиться с последствиями засухи и неурожая. Малоземелье А.С. Ермолов считал лишь относительной причиной хозяйственного кризиса, а главная проблема заключалась в неустойчивости владения и, в частности, в системе переделов, а также в принудительном севообороте. Автор отмечал, что крестьяне нечерноземных губерний имеют гораздо меньшую задолженность по недоимкам и в целом живут лучше, чем крестьяне черноземных губерний, хотя качество земли там несравненно выше. Этот факт он связывал с возможностью уходить на заработки, с более разнообразными источниками поступления денег в крестьянские хозяйства. Крестьяне черноземных губерний зависели от сельскохозяйственных работ, и неурожайные годы ставили под угрозу не только их собственные посе-вы, но и воз-

возможность заработать на стороне. Необходимость уплаты податей заставляла их снижать цены. «Важно не то, что приходится крестьянину уплатить в подати три-четыре рубля с души в год, а то, что для вырочки каждого рубля он вынужден бывает продать за рубль то, что стоит два и три рубля, продать не вовремя, в такую минуту, когда предложение превышает спрос» [31].

Об этом же писал и один из сотрудников П.А. Столыпина, помощник министра внутренних дел В.И. Гурко. Оценивая пореформенную эволюцию крестьянского хозяйства, автор выделил две его части – нечерноземная и черноземная полосы. В первой благосостояние крестьян или не изменилось, или осталось на прежнем уровне, в то время как в последней понизилось повсеместно. Об этом свидетельствовал невысокий уровень потребления крестьянства и падение качества призывников в армию. Это приводило Гурко к выводу о том, что доходы крестьян связаны не только с сельским хозяйством, но в первую очередь с промыслами. Доходность крестьян также не зависела от величины надела, в губерниях с относительно высоким наделом земли (Самарская, Уфимская, Оренбургская) размер недоимок был существенно выше, а вклады в ссудосберегательные кассы ниже, нежели в других губерниях [32]. Исходя из этого, Гурко был противником дополнительного наделения крестьян землей, поскольку ни к чему иному, как к обеднению крестьянства, оно привести не сможет, так как мелкие хозяйства будут не в состоянии технически усовершенствовать производство. Дополнительное наделение крестьян землей, по его мнению, нанесет удар по животноводству, специальному растениеводству, торговле и промышленности. Положение должно улучшить увеличение урожайности и, как следствие, доходов крестьян. Отрицательные моменты развития сельского хозяйства во многом были связаны с общинной формой землепользования. «Все изложенное я привел к тому, чтобы выяснить, что общинное землепользование основано отнюдь не на особенностях русского народа, что оно просто первобытный способ использования земельных богатств; ... община не допускает культурного земледелия, что это противоречит ее существу, что культура и община – два понятия, взаимно друг друга исключают» [32].

Директор Государственного банка А.П. Никольский указывал на низкую производительность крестьянского хозяйства. Он считал, что ни по качеству, ни по количеству общинная земля не может прокормить крестьянина и поэтому нет смысла административными мерами удерживать население от миграции в город или на окраины государства. Искусственное торможение этих процессов лишь увеличивает сельский пролетариат. «При общинном землевладении почти отсутствует и сама возможность сельскохозяйственного прогресса. Община подгоняет всех под один уровень, и притом под уровень худших и наименее способных хозяев» [33]. Община накладывает большое количество ограничений не только на хозяйство, но и на семейную жизнь крестьянина. «Господство» мира А.П. Никольский сравнивал с крепостным правом, следствием этого является ограничение крестьянина в его гражданских правах. Для него парадоксальна ситуация, когда волостной

суд, руководствующийся нигде не зафиксированными «местными обычаями» вместо закона, суд, составленный из судей, которые могут быть даже неграмотны, регулируют все гражданские правоотношения в крестьянской среде. Невысоко А.П. Никольский оценивал моральные устои и чувство правопорядка у общинников. Чувство законности, по его мнению, напрочь отсутствует в общинной среде, а нравственное развитие не только не повысилось после отмены крепостного права, но даже, может быть, и понизилось. Тезис о том, что община справедливо разверстывает землю между своими членами, А.П. Никольский называл мифом. Имущественное неравенство, произвол «мироедов» давно составляют неотъемлемую часть общинной жизни. Автор предлагал ряд мер по реформированию жизни крестьян, а именно – распространение на них действие гражданского законодательства, отмену круговой поруки, ограничение сословного самоуправления и суда, предоставление домохозяевам права выхода и закрепление участков в собственность [33]. Неудивительно, что один из государственных чиновников выступил с программой, совпадавшей с планом реформ П.А. Столыпина.

Необходимо сказать о материалах местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, учрежденного в 1902 г. С.Н. Прокопович последовательно рассмотрел позиции бюрократических, либеральных и консервативных комитетов, выделив наиболее значимые вопросы. Значительное количество комитетов высказалось за уравнивание прав крестьян с представителями других сословий, в том числе за отмену телесных наказаний, отделение судебной власти от административной и развитие крестьянского самоуправления. Часть комитетов высказалась за переход от косвенного обложения к подоходному и отмену выкупных платежей. Значительное количество комитетов высказалось за увеличение крестьянского землевладения, аргументируя это тем, что при малоземелье невозможны технические усовершенствования. «Вопрос о малоземелье может быть радикально разрешен только переходом к более совершенным приемам обработки земли, повышением производительности сельского хозяйства крестьян, что предполагает повышение их умственного уровня, улучшение правового положения, развитие общественной и политической самостоятельности, а прежде всего изменение финансовой политики; бесцельно говорить об улучшении сельскохозяйственной техники обнищавшему голодающему населению» [34].

Этот же вопрос рассматривал делопроизводитель Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, будущий министр земледелия А.А. Риттих. Он отмечал, что большинство комитетов пришли к мнению о необходимости коренных изменений в области крестьянского хозяйства. Комитеты выделяли положительные и отрицательные стороны общинной организации. К положительным относились возможность снизить издержки производства для крестьян за счет общественных выпасов и чересполосицы, когда нет необходимости удобрять сплошной кусок земли или устраивать отдельные пастбища для своего скота. Повышение урожайности и появление новых форм землепользования свиде-

тельство о том, что переделы земли и чересполосица не препятствуют прогрессу сельского хозяйства. Сторонники общинного хозяйства приходили к выводу, что «уравнительное землепользование более приспособлено для ведения интенсивной культуры, чем существующее в России подворное: как той, так и другой форме землепользования присущи чересполосность и обязательный севооборот, но община предупреждает распыление земли, которое случается при подворном владении, и разверстание чересполосности и переход к более совершенным системам полеводства более осуществимы при общинном владении, ввиду достаточности для этого согласия 2/3 голосов» [35].

Противники общины указывали, что переделы и чересполосица препятствуют не только прогрессу, но и поддержанию удобрения полей на необходимом уровне, что ведет к истощению почвы. Если сторонники общины признавали возможность ее эволюции в сторону артельно-кооперативной организации хозяйства, противники указывают, что такая форма организации труда базируется на праве частной собственности, невозможной при общинной форме землепользования. «Основной причиной отрицательных явлений в области крестьянского хозяйства признается отсутствие, при уравнительном землепользовании, главного стимула труда – сознания и уверенности, что результатом работы воспользуется сам трудившийся или близкие ему по крови и привязанностям лица. Такой уверенности не может быть у общинников, вследствие временности владения и зависимости от большинства 2/3 домохозяев, в том числе и тех, которые запустили свое хозяйство по неумению, лени и нерадению и которые стремятся поживиться за счет более хозяйственных...» [35]. Среди мер, предложенных комитетами по упорядочиванию общинного землевладения, звучали следующие: отмена общинного землепользования и переход к подворному и хutorскому землевладению, возможность выхода из общины и закрепления участка в собственность, упорядочивание переделов в законодательном порядке, обязательное сохранение улучшенных участков при переделах, упорядочивание операций с надельной землей, таких как купля-продажа, аренда, упорядочивание семейных разделов.

Труды комитетов были проанализированы в сборнике «Русская интеллигенция» [36]. Было указано, что большинство комитетов высказалось отрицательно по отношению к общинному землепользованию. Авторы сборника были критически настроены по отношению к защитникам общины и указывали на несоответствие в их взглядах – стремление защитить политические права крестьян противоречит умалению гражданских прав при сохранении общины, а подчинение особым судам противоречит Положению 1861 г. Главный довод защитников состоял в том, что эта форма землепользования соответствует невысокому уровню сельского хозяйства в России, и, при определенных обстоятельствах, община даже способна к развитию. Но по мнению авторов сборника, общинная форма организации хозяйства ведет к хищническому землепользованию, никакой прогресс при этом невозможен, уравнительное землевладение и принудительный севооборот губят предприимчивость и хозяйственную инициативу. «Пря-

мое последствие общинного строя нашей деревни – непроизводительное распределение трудовой энергии, ведущее к постепенной массовой пролетаризации, что вполне подтверждается голодовками, постоянным увеличением числа безземельных, безлошадных и пр. ... Дифференциация крестьянских хозяйств в общинной деревне происходит, несмотря на уравнительный процесс, но принимает тяжелые аномальные формы кулачества, так что общинный строй, в сущности, выгоден только кулакам» [36]. Авторы сборника указывали на один интересный факт: общинам северных губерний было дано право захватывать землю и расчищать ее под пашню, однако за три десятилетия крестьяне Севера разработали ничтожное количество земли, что объяснялось принципами общинного землеустройства – крестьянин мог потерять обработанную им землю в случае передела, поэтому не торопился расчищать новые угодья. Сравнение общинного и подворного хозяйства однозначно отдавало приоритет последнему. Уровень жизни крестьян в губерниях с подворным землепользованием выше, чем в губерниях с общинной формой хозяйства. Общий вывод авторов сборника носил однозначно антиобщинный характер [36].

Таким образом, русская общественная мысль второй половины XIX – начала XX в. предоставила широчайший спектр мнений по проблеме крестьянской общины, общинного землепользования и землевладения, производительности труда в сельском хозяйстве, сбора и учета статистической информации. Эти вопросы не оставили безучастными представителей как представителей научных и общественных кругов, интеллигенции, так и представителей органов власти и различных политических сил, поскольку от их решения зависело будущее страны.

Список литературы:

1. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
2. Крестьянское хозяйство. Вып. 1. Формы крестьянского землевладения / сост. В. Орлов. М.: Типография С.В. Гурьянова, 1879. 320 с.
3. Трирогов В.Г. Община и подать (собрание исследований). СПб.: Типография А.С. Суворина. 1882. 509 с.
4. Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 2. 1876. 1008 с.
5. Карелин А.А. Общинное владение в России. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. 288 с.
6. Качоровский К.Р. Русская община. СПб.: Типография товарищества «Народная польза», 1900. 432 с.
7. Карышев Н.А. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 1897. 600 с.
8. Очерки по крестьянскому вопросу / под ред. А.А. Мануйлова. Вып 1. М.: Издание Д.С. Горшкова, 1904. 288 с.
9. Аграрный вопрос: сборник статей. М.: Типография О.Л. Сомовой, 1905. 356 с.
10. Личков Л.С. Семейные разделы в Саратовском, Петровском и Царицынском уездах, Саратовской губернии / сост. Л.С. Личков; Стат. отд-ние Саратов. губ. зем. управы. Саратов: тип. Саратов. губ. зем. управы, 1885. 34 с.

11. Петлин Н.С. Опыт описания губерний и областей России в статистическом и экономическом отношении в связи с деятельностью в них Государственного банка и частных кредитных учреждений. Ч. 2. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1893. 648 с.
12. Посников А.С. Общинное землевладение. Вып. 2. Одесса: Типография Г. Ульриха. 1878. 235 с.
13. Посников А.С. Общинное землевладение. Вып. 1. Ярославль: Типография Г. Фальк. 1875. 182 с.
14. Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства / под ред. А.И. Чупрова, А.С. Посникова. Т. 1. СПб.: Типография В.О. Киришбаума, 1897. 532 с.
15. Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах местных исследователей. М.: Типолитография И.Н. Кушнерова и К, 1888. 300 с.
16. В.В. Очерки экономического строя России. СПб.: Типография Брокгауз-Эфрон, 1906. 116 с.
17. Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890–1910). СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1911. 528 с.
18. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1971. 792 с.
19. Бржецкий Н.К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1899. 88 с.
20. Пестржецкий И.Л. О недугах хозяйства и строя жизни сельских обывателей. СПб.: Типография В. Демакова, 1894. 12 с.
21. Скибинский М.А. Крестьянское мирское хозяйство. Мирские капиталы, денежные сборы и взывания, продовольственные запасы. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1895. 202 с.
22. Столыпин Д.А. Очерки философии и науки. Наш земледельческий кризис. М.: Типография А. Гацук, 1891. 100 с.
23. Столыпин Д.А. О несовместимости общинной формы с нормальным сельским самоуправлением. М.: Типография В.А. Гатшук, 1893. 8 с.
24. Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1905. 262 с.
25. Головин К. Сельская община в литературе и действительности. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. 259 с.
26. Дружинин Н.П. Юридическое положение крестьян. СПб.: Типография М. Меркушева, 1897. 386 с.
27. Леонтьев А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Типография М. Меркушева, 1895. 140 с.
28. Баллод К. Грядущие экономические вопросы России. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1906. 78 с.
29. Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. М.: Издание магазина «Книжное дело». 1900. 506 с.
30. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895. 142 с.
31. Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. Типография В. Киришбаума, 1892. 270 с.
32. Гурко В. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1906. 57 с.
33. Никольский А.П. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1902. С. 25.
34. Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1904. 195 с.
35. Риттих А.А. Крестьянское землепользование. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1903. 126 с.
36. Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. 471 с.

THE AGRARIAN QUESTION IN THE MIRROR OF THE DISCUSSIONS IN THE PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

© 2018

Gavrilov Artem Vyacheslavovich, director
LLC «Agribusiness Technologies» (Omsk, Russian Federation)

Abstract. The abolition of serfdom in the middle of the XIX century put the agrarian question into the first place for the thinking Russian intellectuals. The consequences of the Great Reforms for community development, peasant land tenure and land ownership, the economy of the agrarian sector, the economic initiative of the population, the growth of agricultural production, the management and self-management of peasant societies, the adaptation of the peasant economy to the changing market conditions, socio-cultural changes caused by modernization processes, socio-economic contradictions both between individual categories of the peasantry and among peasants and representatives of other social groups – all these surveys were actively discussed by the Russian public at the turn of the 19th and 20th centuries. The «specifically sociological» components of the agrarian question were transformed into an analysis of the role and significance of the peasant community for the development of the country, and this topic was undoubtedly of a political nature, and the polemics around it was extremely rich. Economists, historians, lawyers, doctors, businessmen, travelers, figures of Zemstvo, publicists, officials, politicians, revolutionaries, representatives of all social strata of Russian society wrote about the agrarian question and the ways of its solution.

Keywords: history of Russia from second part of 19th century to beginning of 20th century; peasant community; historiography; agrarian reform; agricultural policy; modernization of agriculture; peasant land ownership and land tenure; agricultural statistics.